

УДК 069.02:908(571.16)

Е. И. Красильникова

ТОМСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ КАК МЕСТО ПАМЯТИ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА (1920 – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1941 гг.)

Исторические музеи необходимы обществу как внешнее средство поддержания исторической памяти и осязаемая точка ее опоры. Данная статья посвящена характеристике процесса формирования исторической части экспозиций Томского краеведческого музея как места памяти (1920 – первая половина 1941 гг.). На этом процессе отразились традиции музейного дела, сложившиеся еще до Октябрьской революции 1917 г., менявшаяся на протяжении указанного периода политика памяти государства, условия социально-экономической, повседневной жизни, «климат» местной духовной жизни, а также инициатива отдельных общественных деятелей и деятелей культуры. Данная статья отражает один из этапов исследования проблем репрезентации коллективной памяти о прошлом в исторических отделах экспозиций музеев Западной Сибири 1920 – 1930-х гг.¹

Осмыслению специфики исторической части томской музейной экспозиции 1920-х гг. способствует ретроспективный взгляд на этот вопрос сквозь призму исследований о музейном деле дореволюционной России². История Томского краеведческого музея неоднократно привлекала внимание исследователей. В конце 1960-х гг. В. Л. Соскин привел обобщенные сведения о характере «музейного строительства» 1920-х гг. в Сибири³. В 1940 – 1980-х гг. появлялись отдельные публикации, представлявшие краткий экскурс в историю музея⁴. В последние два десятилетия сотрудники Томского областного краеведческого музея и томские историки проделали большую работу по изучению начального этапа существования музея, истории комплектования его коллекций, биографий людей, посвятивших музею жизнь⁵. Отдельного внимания заслуживает публикация сборника

¹ См.: *Красильникова Е. И.* 1) Особенности репрезентации исторического прошлого в музейных экспозициях Томска и Новосибирска 1920-х гг. // *Сибиряки: региональное сообщество в историческом и образовательном пространстве*. Новосибирск, 2009. С. 83-89; 2) Проблемы репрезентации коллективной памяти о прошлом в музейной экспозиции Государственного Западносибирского краеведческого музея (1920-е – первая половина 1941 гг.) // *Вестник Новосибирского государственного университета*. 2009. Т. 8. Вып. 1. С. 155-160; 3) Особенности репрезентации исторического прошлого в экспозиции омского музея в 1920-х гг. // *Вопросы музеологии*. 2011. № 2 (4). С. 91-103; 4) Проблемы создания исторической экспозиции Новосибирского краеведческого музея в условиях политических репрессий 1930-х гг. // *Новосибирская область: история и современность. Материалы научно-практической конференции, посвященной 75-летию НСО*. Новосибирск, 2012. Часть 1. С. 237- 240.

² *Разгон А. М.* Этнографические музеи в России (1861 – 1917 гг.) // *Очерки истории музейного дела в России*. М., 1961. Вып. 3. С. 231-268; *Турынская Х. М.* Этнографическое музееведение в конце XIX – нач. XX вв. М., 2008.

³ *История Сибири*. Т. 4. Л., 1968. С. 266-267.

⁴ *Елизарьева М.* К созданию томского областного музея краеведения // *Красное знамя*. 1949. 16 апр.; *Рудая И.* Рождение краеведческого музея в Томске // *Красное знамя*. 1979. 12 июня и др.

⁵ *Артюхова И. В.* Традиционная культура русских в фондах Томского областного краеведческого музея. Томск, 2010; *Дмитриенко Н. М.* У истоков музейного дела в Томске // *Труды Томского областного краеведческого музея*. Томск, 2002. С. 178-187; *Кулемзин В. М.* Михаил Бонифатиевич Шатилов и Владимир Клавдиевич Арсеньев в сибиреведении // *Труды Томского областного краеведческого*

наиболее интересных документов музейного архива⁶. Наконец, в 2011 г. была защищена кандидатская диссертация С. Е. Григорьевой, посвященная комплексному анализу истории томского музея в период с 1920 г. вплоть до современности⁷. Важно отметить, что С. Е. Григорьева отдельно изучала опыт томских музейных работников в создании экспозиции, в том числе и ее исторической части. Однако отметим, что исследовательницей не привлекались к исследованию источники, хранящиеся в Государственном архиве Новосибирской области (в том числе из фонда партийной ячейки музея), Центре документации новейшей истории Томской области, не был мобилизован в достаточной мере массив газетных источников 1920 – 1930-х гг. Нашим собственным вкладом в изучение истории экспозиции томского музея является не только привлечение указанного круга источников, более подробное описание исторической части экспозиции, но и новая постановка проблемы: мы рассматриваем музей как место памяти жителей города, заостряя внимание не только на принципах репрезентации коллекций в экспозиции, но и на ее рецепции жителями Томска, на связи экспозиции с их живой коллективной памятью.

Идея открыть в Томске научно-художественный музей обсуждалась интеллигенцией приблизительно с 1909 г. Однако местные власти поддержали эту инициативу лишь в ходе подготовки празднования пятидесятой годовщины со дня отмены крепостного права в России. 3 февраля 1911 г. городская дума дала согласие на создание в Томске Областного Сибирского научно-художественного музея имени Царя Освободителя Александра II⁸. В обосновании актуальности открытия музея говорилось, что, музей как памятник «будет сотни лет напоминать сибирякам образ царя-освободителя». Однако для либерально настроенных томских ученых и просветителей (Б. А. Аминова, Ф. Я. Несмелова, А. В. Адрианова, Г. Н. Потанина, Т. Л. Фишеля, П. И. Макушина и др.) являлось очень важным и то, что музей «увеличит значение города Томска как научного центра», а также будет «иметь огромное воспитательно-образовательное значение для масс»⁹. Еще в 1880-х гг. знаменитый ученый и публицист, один из идеологов сибирского областничества (система взглядов части сибирской интеллигенции на свой регион как на особую область с отличительной национальной, климатической и исторической спецификой, которая, по их мнению, выступала основанием пересмотра колониальной политики Российской Империи в отношении Сибири) Н. М. Ядринцев считал, что в Сибири наступает новый исторический этап осознанного отношения к прошлому и распространения просвещения, которое поможет решению насущных проблем региона¹⁰. Этим целям должен был служить по замыслу и томский музей. Вообще, в России на рубеже XIX – XX вв. «музеи приобретают статус культурной нормы»; этнографами движет идея собирания и сохранения, бесследно исчезающих в условиях модернизации памятников прошлого¹¹. Тогда же приходит осознание

музея. Томск, 2010. С. 7-10; Томский краеведческий музей: из прошлого в будущее. Томск, 2003; Усадьба И. Д. Асташева – томский областной краеведческий музей. Томск, 2000 и др.

⁶ Андреева Е. А. История Томского краеведческого музея языком архива // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 2002. С. 3-156.

⁷ Григорьева С. Е. История Томского областного краеведческого музея: 1920 – 2000-е гг. Автореферат канд. ист. наук. Томск, 2011.

⁸ Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 233. Оп. 2. Д. 3367. Л. 25-26.

⁹ Там же. Л. 11.

¹⁰ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск, 2003. С. 503.

¹¹ Турьинская Х. М. Этнографическое музееведение в России ... С. 112.

того, что «сберечь от гибели старину было бы легче местному обитателю, чем заезжему из столицы этнографу»¹². В духе времени томичи обратили внимание на резкие перемены в общественной жизни «страны Сибири»: массовое прибытие переселенцев и «вымирание инородцев». Инициаторы создания музея считали, что «надо сохранить память о старых людях и их жизни – мы ушли от них вперед, но зато многое от них переняли и многому научились»¹³. Стремясь к точному воссозданию условий жизни сибиряков в прошлом, изначально томская интеллигенция ориентировалась на опыт европейцев. Создатели музея так разъясняли свои замыслы, имевшиеся у них еще задолго до того, как городская дума поддержала их в стремлении открыть музей: «Культурные страны давно уже оберегают в своих музеях от уничтожения следы былой материальной и духовной культуры своих державных родичей <...> Около Гельсингфорса есть своеобразный музей, в котором вся обстановка обитателей страны, с их жильем, костюмами, орудиями <...> сохраняется в ее натуральном виде под открытым небом. Мы <...> задалась мыслью положить начало такому музею в Томске, предполагая на первое время вывезти из Нарымского края старинное остяцкое и самоедское жилье со всей их обстановкой, остяцкие лодки, ловушки на зверя и прочее <...> Сюда же полагали необходимым свозить и те, уцелевшие исторические памятники, которые были во множестве рассеяны по Сибири со времен ее покорения ...»¹⁴. Городской комитет по устройству Сибирского областного музея в Томске поставил перед собой грандиозную цель: «создать учреждение, в котором была бы представлена вся Сибирь и, которое стало бы гордостью всей страны»¹⁵. При подсчете средств идея музея под открытым небом показалась нерентабельной, поэтому приняли решение о создании музея в более традиционном варианте. В утвержденную программу комитета входила задача сформировать в музее «Отдел живой и мертвой старины» с антропологическим, этнографическим и археологическим подотделами. Музей, по замыслу его организаторов, должен был стать средством «наглядного разъяснения» того, «какие люди тут живут, чем занимаются и какие люди здесь жили в старые и древние времена»¹⁶.

Позже, в 1915 г. было решено начать формировать «по горячим следам» отдел, посвященный истории Первой мировой войны, куда предполагалось включить карты театра военных действий, фотографии, газетные описания военных действий (в том числе из сибирских газет), биографии и портреты героев (прежде всего, сибиряков), воинскую форму, оружие, трофеи и т.п.¹⁷ Вплоть до 1920 г. у музея еще не было помещения, однако, можно считать, что он фактически уже существовал: шла работа над его концепцией и собирались коллекции. Создателям музея было не чуждо сентиментальное отношение к томской старине и признание эстетической ценности городских архитектурных памятников, следить за состоянием которых планировали создатели музея. В 1920 г. при отделе народного образования Томского губернского исполнительного комитета был создан подотдел по делам музеев, охраны памятников искусства и старины. В 1921 г. этот подотдел был реорганизован в губернский музей¹⁸.

¹² Там же. С. 97.

¹³ ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 3367. Л. 12-12 об.

¹⁴ Там же. Л. 14 об.

¹⁵ Там же. Л. 100 об.

¹⁶ Там же. Л. 101 в.

¹⁷ Там же. Л. 114-114 об.

¹⁸ *Артюхова И. В.* Традиционная культура русских ... С. 19.

Огромную роль в формировании характера будущей исторической части экспозиции музея сыграл архитектор А. Л. Шиловский – председатель подотдела по охране памятников Губернского комитета народного образования. Уже в 1920 г., сразу после окончания боевых действий между Красной Армией и армией А. В. Колчака, А. Л. Шиловский с небольшой группой художников приступили к выявлению, обмерам, фотографированию и художественным зарисовкам уцелевших памятников истории и искусства Томска, желая запечатлеть как выдающиеся произведения искусства, так и послевоенные панорамы старых улиц, передать художественными средствами их атмосферу. Подотдел также работал над собиранием и сохранением томских раритетов, позже составивших музейные фонды: произведений искусства, старинной мебели, книг, посуды и т.п. В формирование коллекций активно включилась местная интеллигенция, жертвовавшая музею книги, старинное оружие и т.п. Часть предметов была передана музею различными учреждениями. Так, Губернское земельное управление пожертвовало музею 20 карт различных мест Томской губернии и дореволюционного Томска; из различных складов губернских учреждений в музей попала реквизируемая старинная мебель; Главная библиотека Томского университета передала кандалы каторжника, деревянные иконы, медные складни, старинную печать, сибирские монеты времен Екатерины II, буддистский молитвенный плат¹⁹; Горкомхоз привез в музей живописные, графические и скульптурные портреты российских императоров, которые позже, в 1929 г. сотрудникам музея пришлось с оправданиями передать в ОГПУ²⁰.

В сентябре 1920 г. подотдел был готов устроить первую выставку старинных вещей, однако не мог найти подходящего помещения, хотя в феврале 1920 г. и было принято окончательное решение об открытии Музея старины и революции в бывшей усадьбе золотопромышленника И. Д. Асташова. Выставочная деятельность музея началась лишь в марте 1922 г. По данным С. Е. Григорьевой изначально экспозиция строилась ретроспективно: от революционной современности вглубь времен, вплоть до археологических артефактов²¹. И. В. Артюхова дает более подробное описание экспозиции: «зал живописи и старого Томска, зал художественных работ по конкурсам первых двух лет революции, парадный зал в стиле «ампир», зал Востока, зал 30-х гг. XIX в., зал археологии»²². Директор музея М. Б. Шатилов, бывший областник, ратовавший за просвещение, активно проявлял личную инициативу в пополнении музейных коллекций. Так, в 1924 – 1925 гг. он ходатайствовал о передаче музею экспонатов, связанных с пребыванием в Мариинске декабристов²³. Отдельные коллекции в эти годы покупались (старобрядческая, якутская), другие поступали из хранилищ монастырей и церквей. Наиболее активно исторические экспонаты собирались в период с 1922 по 1927 гг. Директор музея, юрист и этнограф М. Б. Шатилов заведовал культурно-историческим отделом, развитие которого осуществлял на научной основе. В середине 1920-х гг. он лично ездил в этнографическую экспедицию на р. Вах для сбора материала, послужившего основой коллекции по остяцкой тематике. Он собирал также этнографические материалы среди сибиряков-старожилов. М. Б. Шатилов считал,

¹⁹ ОГАУК «Томский областной краеведческий музей им. М. Б. Шатилова» (Далее – ОГАУК «ТОКМ им. М. Б. Шатилова») Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 38, 43, 66.

²⁰ ОГАУК «ТОКМ им. М. Б. Шатилова». Ф. 1. Оп. 1. Д. 31. Л. 98-98 об.

²¹ Григорьева С. Е. История Томского областного краеведческого музея: 1920 – 2000-е гг. С. 15.

²² Артюхова И. В. Традиционная культура русских ... С. 20.

²³ ОГАУК «ТОКМ им. М. Б. Шатилова». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 47.

что изучать материальную культуру нужно в динамике, акцентируя внимание не только на сохранении традиций, но и на изменениях²⁴.

Уже в 1927 г. в музее насчитывалось 1 297 археологических, 1 169 этнографических и 2 500 нумизматических экспонатов²⁵. В экспозиции существовал специфичный для Томска отдел, который в отчетной документации за 1925 – 1926 гг. назван «Стариной Томского края»²⁶, а в документах 1927 г. этот отдел, представленный 484 экспонатами, назвали «Старым городом»²⁷. Этот отдел строился в опоре на удачно выбранный ансамблевый метод. Ни в одном другом сибирском городе локальная коллективная память горожан не укреплялась и не транслировалась при помощи музейной экспозиции так, как в Томске этих лет. Здесь музей органично «срастался» с городской средой, «высвечивая» значимые для томичей места памяти и задавая определенные ракурсы их восприятия в соответствии с требованиями современности. До революции музей планировалось расположить на Воскресенской горе, там, где находилась каланча, которая являлась для жителей Томска местом памяти об основании их города и начальном этапе русской колонизации Сибири²⁸. Но и дом Асташова, где в итоге открылся музей, выбрали не случайно. В парадной зале стиля «ампир», обставленной мебелью 1830-х гг., сохранилась особая атмосфера XIX в., чувствовался «аромат эпохи»²⁹. Как и его предшественники, М. Б. Шатилов сентиментально относился к «прелестной» томской старине. Исходя из установок дореволюционной томской интеллигенции, он считал, что необходимо «познавать старое, которое вокруг нас, чтобы творить новое»³⁰. Рассуждая о ценности сохранения «духа» старины, он использовал в отчете цитату из обзора томских достопримечательностей, составленного А. В. Андриановым для справочника 1912 г. по городу Томску: «Здесь есть своя старина, полная значения и интереса, достойная ее запечатления»³¹. Только в отчете 1929 г. целевая установка руководства музея изменится в соответствии с политикой государства: «выявлять и отражать естественно-производительные силы края с одной стороны и сохранять культурное наследие прошлого, охранять памятники искусства и старины, изучать народный быт»³².

В лучшие для музея нэповские годы историческую часть экспозиции открывал зал отдела «Старина томского края», где выставлялись раритетные карты и планы Томска, Сургута, Нарыма, Кузнецка; чертежи, зарисовки и фотоснимки архитектурных памятников, портреты героев местной истории: таинственного старца Федора Кузьмича, золотопромышленника З. М. Цыбульского, финансировавшего строительство здания Томского университета, жертвователя денег на создание бесплатной библиотеки, купца С. С. Валгусова и др. Демонстрировались здесь и такие вещи, как икона, дарованная Борисом Годуновым Томску на его основание, гравюра «Вид Томска» XVIII в., пушка того же столетия, найденная близ реки Ушайки, вериги юродивого, двухсотлетние английские часы, полко-

²⁴ *Артюхова И. В.* Традиционная культура русских ... С. 40.

²⁵ Государственный архив Новосибирской области (Далее – ГАНО). Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 52. Л. 26.

²⁶ ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 14. Л. 29.

²⁷ ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 52. Л. 26.

²⁸ *Шатилов М. Б.* Исторический очерк и обзор Томского краевого музея (1922 – 18 марта 1926 г.) // Труды Томского краевого музея. Томск, 1927. Т. 1. С. 3.

²⁹ Там же. С. 27.

³⁰ Там же. С. 26-27.

³¹ Там же. С. 26.

³² *Шатилов М. Б.* Обзор деятельности Томского краевого музея (1927 – 1928 гг.) // Труды Томского краевого музея. Томск, 1929. Т. 2. С. 103.

вые знамена томского 42 полка и пр.³³ Экспозиция этого зала состояла из предметов, во многом узнаваемых для томичей, она возбуждала интерес и готовила зрителей к восприятию более неожиданных и диковинных вещей из отделов истории, археологии, нумизматики и этнографии. Такая компоновка залов должна была давать посетителям ощущение сопричастности к историческому прошлому края, стимулировать интерес к истории и расширять коллективную память горожан, а также просвещать их. Показательно, что экспозиция «Старина томского края» и два этнографических зала были особенно популярны среди посетителей, которые также проявляли повышенный интерес к искусству и зоологии³⁴.

Музей в середине 1920-х гг. устраивал и временные исторические выставки. Одна из них посвящалась памяти декабриста Г. С. Батенькова, отбывавшего ссылку в Томске. Его дом, как и Кузнецкую крепость, домик, где жил Ф. М. Достоевский, «Московские столбы», келью Федора Кузьмича и другие городские места памяти охранял музей. Музейные сотрудники стремились также закрепить народную память о ссыльном декабристе на уровне городской среды, предлагая назвать хутор Степановка, где Г. С. Батеньков возвел ряд построек, его именем, а вместо пустыря на углу Благовещенского и Петропавловского переулков разбить сквер Батенькова. В честь него удалось переименовать Благовещенский переулок³⁵. В 1920-е гг. такое переименование обуславливалось идеологически, но заметим, что томичи стремились закрепить с помощью топонимов в коллективной памяти горожан имя исторической персоны, почитавшейся, как борец с «царизмом», судьба которого *реально* была связана с Томском. Гораздо труднее М. Б. Шатилову оказалось бороться за сохранение мест памяти, связанных с Федором Кузьмичом, историческое значение которых М. Б. Шатилов высоко ценил. В 1924 г. он обнаружил разграбление кельи старца, которая находилась под охраной музея. Из помещения пропали стулья, иконы, деревянная кровать и прочие вещи. Милиция нашла только кровать и ее изголовье, прочее, к огорчению директора музея, пропало бесследно³⁶. В 1929 г. М. Б. Шатилов ходатайствовал перед Главнаукой Народного комиссариата просвещения по поводу сохранения могилы Федора Кузьмича и существовавшей на могиле часовни, в чем директору музея было категорически отказано³⁷. Не удалось ему восстановить и разрушенные могилы ученого, общественно-политического деятеля, одного из идеологов областничества Г. Н. Потанина, ряда томских профессоров и деятелей культуры³⁸.

В 1926 г. музей, пользуясь своими богатыми коллекциями архитектурных зарисовок и фотографий, устроил выставку, посвященную старинному сибирскому зодчеству. Весной 1926 г. И. Д. Серебрянников прочел лекцию «Из прошлого Томска. Знаменитый сад Горохова»³⁹. Такие мероприятия способствовали развитию и укреплению локального компонента коллективной памяти томичей. Горожане продолжали приносить в музей старинные вещи и предлагать свое сотрудничество в качестве внештатных исследователей.

³³ Шатилов Б. М. Исторический очерк и обзор Томского краевого музея (1922 – 18 марта 1926 г.). С. 26.

³⁴ ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 14. Л. 31.

³⁵ Там же. Л. 32-32 об.

³⁶ ОГАУК «ТОКМ им. М. Б. Шатилова». Ф. 1. Оп. 1. Д. 85. Л. 1-3.

³⁷ ОГАУК «ТОКМ им. М. Б. Шатилова». Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 51.

³⁸ Андреева Е. А. История Томского краеведческого музея языком архива. С. 68-69.

³⁹ ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 14. Л. 32.

Отдавая приоритет теме томской старины, сотрудники музея должны были работать и над репрезентацией революционной тематики. С помощью Истпарта ко дню кончины В. И. Ленина в 1925 г. был организован «Ленинский уголок». Наибольший интерес посетителей вызвала представленная в этом уголке фотография вождя в Шушенском⁴⁰. Сотрудница музея К. Н. Юхневич формировала коллекцию воспоминаний старых большевиков, однако эти материалы не были должным образом расшифрованы и оформлены⁴¹. В 1927 г. состоялась временная тематическая выставка «Десять лет октября»; в 1928 г. – «Первое мая и самодержавие», в 1929 г. – «Колчаковщина и восстановление Советской власти в Сибири». Эти выставки стали работать непрерывно. Кроме того, к юбилею революции Истпарт открыл в музее «уголок революционного движения»⁴².

К началу 1930-х гг. томские музейные работники стали постепенно утрачивать прежнюю свободу творческой инициативы в построении экспозиции. В 1933 г. М. Б. Шатилов был арестован как бывший министр Временного сибирского правительства и приговорен к десяти годам лагерей, где и погиб. За беспокойный период с июня 1933 г. по сентябрь 1941 г. в музее сменилось семь директоров, ни один из которых не имел возможности тщательно продумать и реализовать экспозиционные планы. Хотя, в начале 1930-х гг. сотрудники музея продолжали изучать памятники томской старины, очевидно, что в этот период они были вынуждены повысить внимание к историко-революционной части экспозиции. В 1930 г. культурно-исторический отдел оставался богаче (в нем насчитывалось 4 052 экспоната), но историко-революционный отдел, где зафиксировали только 1 142 экспоната, по понятным идеологическим причинам посещался экскурсантами чаще⁴³. Коллекции историко-революционного отдела стали пополняться вдвое активнее (за год в этот отдел поступило 595 экспонатов против 288 экспонатов культурно-исторического отдела)⁴⁴. Помощь в формировании фондов по революционной тематике оказывало общество политкаторжан и историко-революционный кружок при музее. Согласно отчету 1931 г. культурно-исторический отдел отражал трудовые традиции населения Томской области, проблемы классовой борьбы, содержал материалы по устному народному творчеству. Историко-революционный отдел строился в логике хроники революционных событий в Томске, составленной сотрудниками музея. Известно, что там экспонировались отснятые в 1925 г. Н. В. Татауровым фотографии конспиративных квартир и тюрьмы. Каждая тема экспозиции историко-революционного раздела сопровождалась экономической характеристикой. Так, сведения о революции 1905 г. дополнялись диаграммами по количеству населения, состоянию промышленности, сельского хозяйства, торговли, транспорта; использовался принцип сопоставления этих данных по разным периодам⁴⁵. Данный метод должен был формировать у посетителей музея вывод о несомненной экономической пользе социалистической революции.

Однако в 1932 г. Томский краевой музей подвергся обследованию инспектора научных учреждений Западно-Сибирского Краевого отдела народного образования С. С. Черникова, который выступил с жесткой критикой экспозиции. По его словам экспозиция

⁴⁰ Центр документации новейшей истории Томской области (Далее – ЦДНИТО). Ф. 4204. Оп. 1. Д. 102. Л. 25.

⁴¹ ЦДНИТО. Ф. 4204. Оп. 1. Д. 27. Л. 3, 11-12.

⁴² ЦДНИТО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 400. Л. 64.

⁴³ ОГАУК «ТОКМ им. М. Б. Шатилова». Ф. 1. Оп. 1. Д. 46. Л. 30.

⁴⁴ Там же. Л. 51.

⁴⁵ ОГАУК «ТОКМ им. М. Б. Шатилова». Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 12-15 об.

«не отвечала требованиям марксистско-ленинской теории», не отражала ни «диалектики исторического процесса», ни «мало-мальски связанной истории края». С. С. Черников писал: «Классовая борьба затушевана и выпячены без противопоставления и вскрытия классовых корней вещи, отражающие буржуазную и феодально-дворянскую идеологию и быт»⁴⁶. Кроме того, создатели экспозиции обвинялись в «кунсткамерном» подходе к ее формированию. В заключении С. С. Черников сделал вывод о необходимости переустройства экспозиции в соответствии с марксистским подходом. Результаты данного обследования, увольнение М. Б. Шатилова, материальные проблемы и общая социально-психологическая напряженность этого периода привели к разладу в экспозиционной работе. Сотрудники музея оказались в методологическом тупике. «Ампириный зал» и отдел, посвященный томской старине, пришлось ликвидировать. Нужно было по-новому строить историческую часть экспозиции. Документы 1934 г. зафиксировали дискуссию совета музея по поводу плана построения раздела капиталистической формации. Члены совета не могли решить, стоит ли ограничиться включением в экспозицию томских материалов, или нужно использовать материал по всей РСФСР. Большинство по привычке склонялось к варианту использования только местных материалов. Автора плана Эпова критиковали за слабое отражение вопроса истории революционного движения, «руководящей роли партии», экономического развития. Проблемным местом оказалось отражение движущих сил революции. Обсуждение плана Эпова происходило дважды, и оба раза план не был утвержден⁴⁷. Одновременно разрабатывался план построения раздела социалистической формации. По утвержденному плану эта часть экспозиции должна была отражать экономические успехи, возрождение транспорта, вопросы культурного строительства⁴⁸. Известно, в какой степени эти планы были реализованы. С середины 1930-х гг. отчеты музея стали очень краткими и формальными. После процесса над «троцкистами» потребовалась основательная «чистка» историко-революционного отдела. Директор музея А. С. Уланов распорядился уничтожить даже позолоченный иконостас архиерейской домово́й церкви и еще ряд «опасных» экспонатов⁴⁹. Однако это не спасло самого директора от репрессий.

Судьба этого директора музея, до сих пор мало изученная томскими историками, заслуживает особого внимания. А. С. Уланов вступил в должность в январе 1936 г. Историческая часть экспозиции, не отвечавшая новым требованиям, в этот момент находилась в разработке. Новый директор велел полностью разобрать неоконченные исторические разделы, выстроил их по-новому и, не успев открыть, в страхе снова уничтожил, что и стало одной из причин его обвинения во вредительстве. В тот момент, когда музей был закрыт с целью перестройки экспозиции, «Красное знамя» опубликовало обличительную статью под заголовком «Невежда заведует музеем». В этой статье сообщалось, что историко-революционный отдел «почти оконченной» экспозиции представлен остекленными монтажами из газетных вырезок, фотографий, документов и репродукций, которые подобраны «неряшливо», «политически безграмотно» и «бессистемно». Часть музейных экспонатов (фото группы неизвестных красных партизан) директор музея не смог прокомментировать, чем снова навлек на себя гнев газетчиков.

⁴⁶ ОГАУК «ТОКМ им. М. Б. Шатилова». Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 24.

⁴⁷ ОГАУК «ТОКМ им. М. Б. Шатилова». Ф. 1. Оп. 1. Д. 46. Л. 4 об., 11, 13 об.

⁴⁸ Там же. Л. 4 об.

⁴⁹ ОГАУК «ТОКМ им. М. Б. Шатилова». Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 98-102.

Обвинили они его и в том, что в срок не был открыт отдел, посвященный памяти С. М. Кирова⁵⁰. Однако это упущение А. С. Уланов наверстал, создав довольно подробную выставку, посвященную С. М. Кирову и его пребыванию в Томске. Специально для этого заказывались картины известным художникам на сюжеты: «Портрет Кирова», «Киров и Сталин», «Киров на северокавказском фронте», «Погром 1905 г. в Томске», «Панорама города Кирова», «Киров среди детей», «Киров и Орджоникидзе». Для выставки создали макеты его конспиративной квартиры и организованной при его участии подпольной типографии, вокруг печатного станка была даже расположена группа манекенов. Музейные работники также воссоздали общий вид одиночной камеры томской тюрьмы, где в 1906 г. сидел С. М. Киров. Выставка включала книги, фотографии С. М. Кирова, революционные лозунги, листовки, тексты речей С. М. Кирова и И. В. Сталина. Но очевидно, что психологическая обстановка в музейном коллективе была крайне накаленной. Все боялись доносов и неосторожных фраз. А. С. Уланов «срывался», говорил грубости, забывая о ключевой «заповеди» этого периода: «не болтай!». Так, собственноручно приколавывая к стене плакат с изображением В. И. Ленина, директор музея в сердцах воскликнул: «Гад!», когда плакат в очередной раз упал. В другой раз, посчитав деньги, израсходованные на выставку, посвященную памяти С. М. Кирова, А. С. Уланов пробурчал: «На эту тварь отпустил столько денег». О подобных высказываниях, как и о найденной в мусорном ящике фотографии С. М. Кирова с семьей, коллеги А. С. Уланова Н. А. Квашнин и И. И. Косов докладывали «куда следует», что вскоре привело к увольнению и аресту директора. Стоит ли рассуждать об объективности данных обвинений и о том, кто именно бросил в мусорный ящик злополучное фото? Кстати, директором музея после увольнения А. С. Уланова, которого на коротки период сменил Б. И. Мордкович, стал единственный сотрудник с высшим образованием и, видимо, с большими амбициями, И. И. Косов, еще вчера доносивший на своего бывшего начальника.

Из отчета 1937 г. видно, что сотрудники музея пытались построить историческую экспозицию так, чтобы не спровоцировать очередные репрессии. Видимо, поэтому исторический отдел стал «отделом истории материальной культуры». Показательно и то, что в эти годы почти вдвое упала посещаемость музея, терявшего свою привлекательность для томичей⁵¹. Требовались газетные публикации, чтобы привлечь посетителей.

В 1938 г. снова открылся многострадальный историко-революционный отдел экспозиции, разместившийся в трех залах. Посредством периодической печати новый директор И. И. Косов, которому, по всей видимости, требовалось доказать справедливость своего назначения, заявлял, что отдел построен в соответствии с кратким курсом истории ВКП(б). В начале просмотра посетители музея знакомились с вопросами развития капитализма и первых шагов революционного движения в России. Здесь были представлены материалы (фотографии, макеты, плакаты), информирующие о группе «Освобождение труда», о начале революционной деятельности В. И. Ленина, первом съезде РСДРП и газете «Искра». Далее экспонировались томские материалы: копии документов о студенческом движении, фотографии студентов, участвовавших в забастовках, макеты главного учебного корпуса университета и студенческого общежития, где устраивались сходки, листовки Томского комитета социал-демократического союза. В первом зале также был

⁵⁰ *Пезаретный Д.* Невежда заведует музеем // Красное знамя. 1936. 20 сент.

⁵¹ ОГАУК «ТОКМ им. М. Б. Шатилова». Ф. 1. Оп. 1. Д. 62. Л. 53 об.

представлен раздел «Подъем революционного движения в России в 1901 – 1904 гг.». Здесь были материалы о ленинском плане построения партии и втором съезде РСДРП. Первый зал заканчивался материалами о приезде в 1904 г. в Томск С. М. Кирова (фото С. М. Кирова и его товарищей, обучавшихся на общеобразовательных курсах при технологическом институте). Второй зал открывался показом событий 9 января 1905 г. и отклика на эти события томичей (листовка томского комитета РСДРП, материалы о Н. Е. Кононове, погибшем на демонстрации в революционном Томске, документы о первом аресте С. М. Кирова, о сходках революционеров и студенческих волнениях). Далее экспонировался монтаж документов и фотографий III съезда РСДРП, всероссийской политической стачки, декабрьского вооруженного восстания. Здесь же была представлена картина художника Вучичиева на тему черносотенного погрома в Томске 1905 г., фотографии похорон жертв погрома и развалин здания управления Сибирской железной дороги, листовки РСДРП с призывами мстить врагам. Второй зал оканчивался документами о втором аресте С. М. Кирова и макетом организованной им подпольной типографии. Третий зал был посвящен очередному аресту С. М. Кирова, его тюремному заключению. Здесь очень пригодился макет одиночной камеры, созданный еще при А. С. Уланове. Имелись в этом зале и документы о революционной деятельности В. В. Куйбышева в Томске и нарымской ссылке Я. М. Свердлова. Впервые в томском музее экспонировались также и документы о ссылке И. В. Сталина. Зал закрывали копии документов о ленских событиях 1912 г., «Империалистической войне» и Февральской революции⁵². Очевидно, что в этой экспозиции материалы, относящиеся к «большому» историческому нарративу революции, являлись не контекстом репрезентации томских материалов, а доминировавшим над ними элементом. Очевидна и имитация местных материалов: главной фигурой памяти томской революционной истории был представлен С. М. Киров, фактически считавшийся те годы героем всей страны.

Параллельно с этой экспозицией в Томске был создан самостоятельный музей С. М. Кирова на Гоголевской улице. Экспозиции двух томских музеев дублировали друг друга. Сотрудники нового, маленького, крайне политизированного музея в короткие сроки собрали коллекцию документов, которые были необходимы для репрезентации фигуры памяти С. М. Кирова как «кристально чистого, непоколебимого большевика-ленинца и любимца трудящихся»⁵³. Сам музей располагался в деревянном двухэтажном доме, где до 27 сентября 1905 г. размещалась конспиративная квартира революционеров. Молодой С. М. Киров представлялся в экспозиции руководителем собиравшейся в этой квартире группы, организатором демонстраций и торжественных выступлений трудящихся против царизма. Однако уже во второй половине 1930-х гг. некоторые томские соратники С. М. Кирова, к которым музейные работники обращались с просьбой написать воспоминания об этом человеке, отмечали, что в 1905 г. Сережа Костриков (настоящая фамилия Кирова) был лишь одним из многих молодых революционеров Томска. Подобные оценки, разумеется, не тиражировались, тексты таких воспоминаний отправлялись в архивные хранилища. В музейной экспозиции, как и в официальных печатных изданиях, всеми

⁵² Косов И. И. Отдел революционного движения в Томском краеведческом музее // Красное знамя. 1938. 8 июля.

⁵³ Федоренко А. Дом-музей памяти С. М. Кирова в Томске // Красное знамя. 1938. 11 ноября.

силами подчеркивались гениальность и лидерские качества юного Сережи Кирова, имена других томских революционеров упоминались теперь крайне редко.

Всякий раз обязательно сообщалось, что С. М. Киров создал в Томске подпольную типографию и организовал несколько забастовок. Музей также демонстрировал материалы, посвященные революционной деятельности С. М. Кирова в годы «Столыпинской реакции», Гражданской войны, его труду на посту руководителя партийной организации Ленинграда. Последний музейный зал посвящался траурным дням по С. М. Кирову, последовавшим после его убийства. Важно отметить, что музейным работникам удалось создать в залах нужную с идеологической позиции эмоциональную обстановку. Экспозиция начиналась с фрагмента текста о социальной несправедливости и ужасах заточения, написанного С. М. Кировым во время отбывания наказания в одиночной камере томской тюрьмы. Посещение музея должно было подводить обывателя к выводу о незаслуженных страданиях идеального в моральном смысле человека, героя, преодолевшего множество трудностей, сделавшего жизнь народа-страдальца лучше и вероломно убитого нелюдем. Ненавидеть врагов и бороться за советские идеалы – вот чему учила экспозиция на примере С. М. Кирова. Многие посетители музея, по версии газеты, были довольны. Но из газетной публикации, очевидно и то, что С. М. Киров слишком быстро «обронзовел», что в официозе экспозиции совершенно растворился человек Сергей Костриков. Даже «Красное знамя» допустило в своей публикации критическое пожелание школьников, которые хотели видеть картины из детства Сережи Кирова.

В 1940 г. музей памяти С. М. Кирова присоединили к Томскому краеведческому музею. Экспозиция кировского музея была перестроена в самостоятельный раздел экспозиции. После слияния музеев, люди, отвечавшие за этот раздел, продолжали записывать по шаблону воспоминания соратников С. М. Кирова; просили у руководства музея Кирова в Ленинграде выполнить и прислать копию картины «Демонстрация 18.01.1905 г. в Томске» художника Н. Н. Рябинина⁵⁴. Сохранилось фото центральной части этого нового раздела экспозиции. Материалы, представленные в ней, носили стендовый характер. В центре композиции между профилями И. В. Сталина и В. И. Ленина в медальонах располагался большой погрудный портрет С. М. Кирова, обрамленный красной драпировкой. С двух сторон портрет окружали фотографии, относящиеся к разным периодам его жизни. Под портретом был представлен планшет с его биографией⁵⁵. Эта композиция очень напоминала православную икону святого с клеймами по краям и изображением руки Господа в правом верхнем углу. Известно, что часть этого отдела по-прежнему посвящалась смерти и похоронам С. М. Кирова. В экспозиции были представлены фото революционера в гробу в окружении товарищей и траурный венок от соратников. В это же время сотрудники музея определили для экскурсионного бюро в Новосибирске перечень кировских мест в Томске; прочли о нем серию лекций и докладов. В канун войны эта часть экспозиции дополнялась материалами, связанными с пребыванием в Томске Н. В. Куйбышева. Фигура памяти С. М. Кирова, усилиями сотрудников музея, испытывавших колоссальное давление со стороны власти, фактически служила вытеснению из коллективной памяти томичей прочих фигур, связанных с богатой местной историей.

⁵⁴ Там же. Л. 124-128.

⁵⁵ *Андреева Е. А.* История Томского краеведческого музея языком архива. С. 114.

Заметно, что сотрудники музея собирались и дальше продвигаться по пути унификации экспозиции. К началу 1940 г. планировалось расширить и дополнить ее материалами, четко выдерживая сталинскую периодизацию; построить экспозицию раздела «Сибирь докапиталистическая» на фоне возникновения и развития Московского государства; создать разделы по истории Новосибирска и Томска⁵⁶. Последний пункт плана очень показателен: в Томске, где существовали богатые коллекции по истории города, где всегда был высоким интерес населения к историческому краеведению, в эти годы не существовало соответствующего раздела экспозиции! Хотя, надо отдать должное сотруднику музея Н. А. Чернышеву, который в канун войны один продолжал заниматься изучением и защитой памятников старинного зодчества Томска. Обратим также внимание на один из выводов, сделанных С. Е. Григорьевой, согласно которому в канун войны томские музейщики активно использовали для построения типовой экспозиции, которую требовалось дробить «по формациям», всевозможные схемы, диаграммы и иллюстрации, вытеснявшие реальные музейные предметы⁵⁷.

Подводя итог, отметим, что в трудных условиях начала 1920-х гг. томский краеведческий музей, благодаря инициативе патриотично настроенной интеллигенции, быстро стал актуальным для жителей города местом памяти, эмоционально, с большим вкусом отражающим любовь горожан к прошлому своего края. В построении историко-революционной части экспозиции изначально чувствовался формализм, хотя томские революционеры и подпольщики активно стремились к увековечиванию памяти павших товарищей и собственных подвигов, возлагая на музей большие ожидания. Трагические события 1930-х гг. привели к потере лучших кадров и деградации исторической части экспозиции, которая утратила свою уникальность, приобрела фрагментарный и очень формализованный вид, что, по нашему мнению, уже не отвечало ожиданиям культурных томичей, понимавших, что не только эпизодом краткого присутствия в их городе молодого С. М. Кирова богато прошлое бывшего губернского центра.

Информация о статье

Автор: Красильникова Екатерина Ивановна – канд. ист. наук, доцент, Россия, Новосибирский государственный технический университет, katrina97@yandex.ru

Заглавие: Томский краеведческий музей как место памяти жителей города (1920 – первая половина 1941 гг.).

Абстракт: В статье освещаются проблемы формирования исторической экспозиции Томского краевого музея, в которой отражались как традиции музейного дела, сложившиеся до Октябрьской революции, так и политические процессы 1920 – 1930-х гг. Автор отмечает заслуги музейных работников Томска 1920-х гг. в создании оригинальной и хорошо продуманной экспозиции и ее деградацию в период политики сталинских репрессий.

Ключевые слова: музей, историческая экспозиция, место памяти, коллективная память, идеология, Томск.

⁵⁶ ОГАУК «ТОКМ им. М. Б. Шатилова». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 91.

⁵⁷ Григорьева С. Е. История Томского областного краеведческого музея: 1920 – 2000-е гг. С. 17.

On article

Author: Krasil'nikova Ekaterina Ivanovna – Candidate of Science in History, Associate Professor, Russia, Novosibirsk State Technical University, katrina97@yandex.ru

Title: Tomsk regional museum as a memory place for the city residents (1920 – first half of 1941).

Abstract: The article is devoted to the problems of formation of the historical exhibition in Tomsk Regional Museum (Siberia), which reflected the tradition of museums, formed before the October revolution 1917, and political processes of 1920 – 1930th. The author points out the merits of Tomsk 20-th museum workers in the creation of original and well thought-out exposition and its degradation during the period of Stalin's repressions.

Key words: museum, the historical exposition, a place of memory, the collective memory, ideology, Tomsk.